

Аёна Винокур
ЮРИК
ЗАБВЕНИЕ

Лёна Винокур Юрик. Забвение

<https://litres.ru/74415234>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жизнь Юрика - героя этого эпизода, была с детства доведена до автоматизма принципиальной мамой. И сам Юрик, всячески поддерживал в себе эту принципиальность, считая это порядочностью и правильностью. Он всегда знал, что на завтрак - только овсянка; он ходил одними и теми же маршрутами; он искал порядочную девушку для создания приличной семьи. И он встретил её, с первого взгляда решив, что это та самая любовь. И даже заторопился со свадьбой, чтобы поскорее обрести в своей принципиальности новый статус. И в этот самый момент жизнь ставит его перед выбором: остаться порядочным и продолжать жить по завету мамы или впервые в жизни решиться на «неприличность» и выйти из этого круга заикленной жизни?

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Лёна Винокур

Юрик. Забвение

Глава

Вагон трамвая старого образца остановился перед развилкой.

– Всегда есть выбор, – грянул голос с неба.

Но Юрик не смог выбрать, тогда вагон раздвоился и оба вагона-фантома отправились, каждый по своей ветке.

– Вы должны встретиться, вы должны, – кричал Юрик, глядя на уезжающие покачивающиеся вагоны. И проснулся.

Юрик был слишком прямолинейным и слишком принципиальным, поэтому сон с раздвоением был для него сном кошмаром. Он лежал минут пять, глядел в потолок и пытался забыть этот сон. Зазвенел будильник. Юрик принципиально вставал по первому зову будильника и категорически не понимал тех, кто игнорирует первый звонок, а заводит по десять будильников с интервалом в минуту.

Мама Юрика, одинокая уже как лет двадцать, была ещё более принципиальной, чем сам Юрик. Она всегда вставала раньше будильника на пятнадцать минут и всегда готовила на завтрак только овсяную кашу. Вычитав однажды в советском журнале «Здоровье» о пользе овсяной каши по утрам,

мама Юрика клятвенно зареклась оберегать, тогда ещё полноценную семью, от болезней с помощью овсяных завтраков. Принципиальность мамы Юрика не остановилась на одной овсянке. Например, в её семье уже сто лет все мужчины были принципиально только Юрики.

– Как это случается, одному Богу известно, – говорила мама Юрика кому-то, кому решила поведать гордую историю своей семьи. Обычно это были, либо любопытные попутчики по общественному транспорту, либо скучающие в какой-нибудь очереди пожилые дамы. – Вы представляете, мой прадед Юрий, мой дед Юрий, мой отец Юрий, мой муж, был Юрий, – при упоминании мужа Юрия, она обычно спотыкалась и добавляла скороговоркой, – вы не подумайте, он жив, но оказался не тем, за кого себя выдавал и бросил меня с младенцем на руках, когда моему сыну, кстати, тоже Юрию, было девять лет, – здесь обычно мама Юрия делала паузу и ждала восхищения Юриковыми совпадениями и сочувствия, ведь её предал мужчина.

Она получала сполна и того, и другого и на два дня у неё была заряжена батарейка гордости за свою особую историю жизни.

Другой пример принципиальности мамы Юрика был в том, что она никогда не ходила новыми маршрутами ни на работу, ни с работы. И учила этому сына. Ходить нужно только проверенными дорогами и делать только проверенные действия.

Собственно поэтому принципиальность стала важной чертой характера и самого Юрика. Ему двадцать девять, и он принципиально не хотел менять работу, хотя банк, в котором он являлся заместителем управляющего по работе с юридическими лицами, буквально дышал на ладан. Коллектив был вялый, безынициативный, сам банк как-то пропах пылью и чем-то затхлым. Подразделения никак не могли найти между собой общую систему взаимодействия, отчего происходили постоянно несостыковки, казусы и форс-мажоры, как в работе с клиентами, так и во внутренней работе банка.

Но Юрик надёжно прирос за семь лет к своему креслу, уже пустил корни и принципиально не хотел менять свою отлаженную до автоматизма работу на что-то неизвестное. Впрочем, он даже не размышлял в сторону нового, поэтому чем опасна новая работа он даже и не смог бы объяснить.

Принципиальный Юрик привык проводить с мамой овсяное утро, торопливо семенить пешком до своего кресла, благо банк был в пешей доступности от дома Юрика, что ещё один плюс в пользу ничего не менять. Потом проводить пыльно-бумажный день с перерывом на обед. Обедал Юрик тоже принципиально дома, неизменно первым, вторым и третьим. На третье часто был чай. А первое и второе, обычно мама готовила сразу на три дня и Юрик всегда знал заранее, что сегодня на обед. Потом он дорабатывал свой послеобеденный банковский день, более ленивый, поэтому более конфликтный. Постоянно меняющиеся бан-

ковские птенцы недоучки прилетали стажёрами и не выдержав возмущения клиентов, которым птенцы-стажёры по своей ленной неопытности выносили мозг, улетали в неведомые края. Таких птенцов, пока они ещё числились стажёрами, нужно было воспитывать, и Юрий занимался этим после обеда. Что приводило к конфликтам и недопониманиям.

Принципиальность Юрика в вопросах репутации была особенно твёрдой. Даже если речь идёт о репутации затухающего банка.

– Почему, когда вопрос превышает заложенное в ваш мозг количество букв, вы сразу направляете ко мне клиента? Ни один не готов взять ответственность и разбираться, вникать. А я не резиновый. Вернее, моё время не резиновое. Вы где учились? – это была примерная речь Юрика, когда он устраивал послеобеденное воспитание младших специалистов банка.

Ответов он конечно не получал, зато получил за глаза прозвище «резиновый», которое передавалось от одного увольняющегося младшего птенца к другому, вновь прибывшему. О прозвище Юрий не знал и верил, что пользуется уважением у коллег.

В семь вечера банковский день заканчивался для всех, кроме Юрика. Он часто оставался и работал с бумагами ещё часа полтора. Спешить ему было некуда. Мама понимала всю серьёзность работы сына. А больше Юрику и не к кому было спешить.

Личная жизнь Юрика была на нуле. Нет, он очень интересовался противоположным полом. Но искал принципиально порядочную и с правильной моралью девушку. С которой они жили бы долго и счастливо. Вот здесь, как раз, у Юрика и была болевая точка.

Дело в том, что с рождения мама рассказывала Юрику, что такое приличная семья. Это когда все улыбаются, вместе обедают по расписанию и даже меню по графику. В приличной семье жена обязательно женственная и имеет уважаемую профессию, а муж уважаемый человек. Никаких непристойностей не может быть в настоящей приличной семье. И верность — это важнейшее правило приличной семьи.

Всё это подкреплялось воскресными ужинами у родителей его мамы, с пафосной супницей в середине стола. В которой всегда был уже чуть остывший суп, а Юрик не любил чуть остывшее, но ел, потому что так принято в приличной семье.

Также миф о приличной семье поддерживался тем, что родители ругались исключительно заперевшись в ванной и шёпотом, чтобы сын их не слышал. И Юрик лет до пяти действительно не слышал или не понимал. А вот с пяти стал догадываться, но не верил. Мама всегда улыбалась отцу в присутствии Юрика и говорила очень ласковым голосом, подобный тон Юрик слышал у лисы в мультфильме про зайца и лубяную избушку. Конечно в пять лет маленький мальчик

не мог всего осознать. Он гордился своей приличной семьей и своим отцом, который на тот момент тоже работал в банке. Но отчего-то имел частые командировки в другой город, где находилось ещё одно отделение банка, в котором он работал. Поэтому довольно часто папа Юрика отсутствовал дома. Мама Юрика работала старшей медсестрой в детской больнице. И была на особом счету у начальства, благодаря своей принципиальности она держала в идеальном порядке всё, что входило в её должностные обязанности. И даже за пределами своих обязанностей, мама Юрика наводила порядки. Юрик верил в то, что самое главное в семье — это приличия, из них вырастают уважение, верность и счастье.

В девять лет он узнал, что счастье и верность не проросли в их семье. Гром грянул на голову Юрика и его мамы через сестру соседки, которая приехала к ней погостить. Мама узнала, что у отца вторая семья в том самом городе, куда он часто ездит в командировки. Невероятное совпадение вывело отца на чистую воду. Выяснилось, что сестра соседки, является соседкой второй жены отца Юрика.

Кстати, это невероятное совпадение, мама Юрика тоже проговаривает обычно скороговоркой, когда начинает вдаваться в подробности рассказа, как мерзавец муж бросил её с младенцем.

Конечно, сестра соседки узнала отца Юрика и после совещания со своей сестрой, они и заявили к матери Юрика и выложили всё, как на духу. Юрик был дома и слышал все

подробности отцовской мерзости. Слышал, как в истерике тогда кричала мама на оторопевшего отца. И впал в непонимание. Как отец мог так поступить?

Прошло двадцать лет, а взрослый Юрик не простил отца, более того, он резко осуждал его.

Мама какое-то время пристально следила за личной жизнью отца, через эту же сестру соседки. Отец бросил банк, уехал в тот город, женился, родил двух девчонок, купил мотоцикл и занялся перегонном машин из Европы. Потом они купили с женой дом и мама осталась без информатора. Но того, что она уже знала, хватало ей, чтобы поносить отца Юрика при каждом удобном случае, случайным скупающим сплетницам.

Юрик возненавидел отца, а точнее образ предателя, который собрала для него мама. И не вступал с ним в какое-либо общение, ни в переписке, ни по телефону. От алиментов принципиальная мама Юрика отказалась и можно было бы забыть и начать свою новую жизнь. Но мама жила этой обидой и подпитывала её в сыне.

Когда Юрику исполнилось двадцать семь, на следующий день после дня рождения, отец приехал на красивой шкоре шоколадного цвета. Он как-то узнал, где работает сын и дождался его возле банка. Юрик как обычно задержался на работе, вышел из банка поздно.

Отец радостно и виновато окликнул сына:

– Юрка, сын, здравствуй! – приветственно помахал выходя из машины. — С днём рождения, сынок, — и протянул руку сыну.

Юрик был ошарашен, но его принципиальность взяла верх.

– Ты что тут делаешь? Я не хочу тебя знать, – очень по-киношному сказал Юрик и в голове даже успел подумать, что точно эту фразу взял из какого-то фильма. Он как в фильме повернулся к отцу спиной и пошёл, кстати, в противоположную сторону от своего дома.

– Юрка, погоди, я виноват, но однажды ты возможно поймёшь меня. Погоди ты, я хочу поговорить, ты же вырос и можешь... – отец догонял сына, но принципиальность гнала Юрку куда-то не в сторону дома.

Отец не стал более догонять его и отстал.

Юрка в тот вечер ходил по улицам до двух ночи. Он крутил в голове болезненные мысли: «Как можно быть таким человеком? Бросить их с мамой? Перед этим несколько лет жить на две семьи? Врать?».

– Никогда! Никогда! Я его не прощу, – сам себе твёрдо говорил Юрка, словно делал зарубки на будущее.

Когда уже в два ночи Юрка уставший и голодный добрёл до своего двора, он увидел у подъезда шоколадную шкоду отца. Он рьяно бросился по этажам их широкой лестницы, ревностно открыл дверь и увидел всполошенную мать.

– Юрий, что происходит? Где ты ходишь? Почему отклю-

чен телефон? — мама была уставшая и очень встревоженная.
— Где этот предатель? Гдееее? — со всей своей яростью заорал Юрка.

Потом мама успокаивала его валерьяной и крепким чаем, объясняла, что отца здесь не было. Что ничего она не знает ни про какую машину. И еле-еле уложила сына спать, предварительно уговаривая Юрку взять на завтра отгул, чтобы прийти в себя от нервного срыва.

Но принципиальный Юрка, съел свою порцию здоровья в восемь утра и отправился на работу. Спускаясь мимо почтовых ящиков, Юрка не смог пройти и не проверить вчерашнюю почту. Проверять каждый вечер почтовый ящик — это была принципиальная привычка Юрика с самого детства. Зародилась она тогда, когда он ждал письма друзей из пионерлагеря или журналы по подписке. А однажды он ждал письмо от девочки, с которой танцевал в лагере на прощальном костре, когда ему было тринадцать. Но девочка так и не написала, а своего адреса она Юрке не доверила. Тогда Юрка пережил боль от первой неразделённой любви. Но ещё год он тайно верил, что письмо от этой девочки будет сегодня вечером в ящике, отчего запретил маме самой проверять почту. С тех пор, так и повелось: почта — это ответственность Юрки. У мамы даже и ключей от ящика не было.

Вечером в ярости он конечно не проверил почту и решил сделать это перед работой. Достал несколько реклам и конверт с чем-то толстым и твёрдым внутри. Распечатал и

увидел, что внутри ключ, предположительно от машины. И короткая записка: «Сынок, с днём рождения. Я всегда тебя люблю. Папа».

Юрик с возмущением выбежал во двор и нажал на кнопку ключа, шкода моргнула, радуясь новому хозяину. Юрик снова нажал на ключ, шкода закрылась. Внутри у Юрика что-то необъяснимо-счастливое зашевелилось: «какой классный подарок». Но Юрика не был предателем, и он решительно пошёл на работу, параллельно думая, как же ему показать отцу, что в его подачках он не нуждается.

Силами Макса, знакомого Юрика, шоколадная шкода поместилась на охраняемую стоянку недалеко от дома Юрика. И в статье расходов Юрика добавился ещё один пункт. Документы на машину оказались в бардачке и аккуратный Юрик их забрал домой, надёжно спрятал вместе с ключом до момента, как решит, что делать с этой машиной.

Ушлый Макс смекнул, что шкода будет просто прозябать на стоянке, что очень не правильно. И принялся окучивать Юрика, на предмет попользоваться его машиной. Юрик принципиально отказал, а Макс послал неблагодарного Юрика, сказав, что больше помогать с машиной не станет.

Так за два года шоколадная шкода стала серой от окутывающей её пыли и от одиночества на платной стоянке. Юрик не мог решить, что с ней делать, маме он об этом подарке не рассказал, с Максом больше не общался и шкода стала, в некотором роде, его тайной.

Интересно, что и личная жизнь Юрика очень походила на эту серую от пыли шоколадную шкоду. Жизнь вроде есть, а личной её не назовёшь.

Девушек, которые казались Юрику подходящими для создания приличной семьи, он изучал тщательно и серьёзно. На изучение требовалось время и пока не принято решение, Юрик не мог давать девушкам надежду, поэтому общался на расстоянии. Девушки обычно начинали сами сближение, чем тут же попадали в список тех, с кем приличную семью не создать. И Юрик всё больше утверждался, что нет для него подходящей пары. Пустых романов он принципиально не заводил, так и пылился Юрик в своём пыльном банке, пока этим самым утром, когда ему приснился сон с раздвоением трамвая, с ним не случилось необычное.

Юрик, как и мама, принципиально ходил одной дорогой до банка. Этим июльским утром он вышагивал по привычной дороге. Когда несколько лет человек делает одни и те же действия, случается автоматизация процесса. Сознание не следит за тем, что делает тело. Так и Юрик шагал, а его сознание было совсем не здесь. Юрик улетел из реальности и... попал под колеса... детской коляски.

Как это случилось он узнал уже позже, со слов Марины, которая управляла этой коляской. Она везла коляску, одновременно читая в телефоне книгу Теффи, не заметила Юрика, а Юрик не заметил её, и коляска въехала в его бок. Не

очень больно, но с внушительным колыханием коляски и одновременными вскриками Марины и Юрика. От всех этих встрясок ребёнок проснулся, испугался и стал громко кричать.

– Вы простите, я задумался... помочь вам? – Юрик пытался перекрычать малыша.

Марина испуганно трясла коляску и одновременно набирала номер в телефоне. Малыш уже захлёбывался от плача.

– Вот тут наберите «Ольга сестра», быстрее и мне к уху приложите, пожалуйста, – Марина, поднимая на руки младенца, давала распоряжение Юрику.

Принципиальный Юрик был ещё и спасателем. Он не мог бросить молодую маму с ребёнком и конечно набрал номер «Ольга сестра». Марина одной рукой прижала ребёнка к себе и чрезмерно трясла его, дабы успокоить. Другой рукой она держала коляску, словно её вот-вот украдут угонщики и трясла и её. Рядом стоял Юрик, в одной руке у него был портфельчик, в другой — телефон Марины, который он прижимал к её правому уху. Юрик в такт Марининой тряске пружинил, а Марина перекрикивая малыша, разговаривала с Ольгой сестрой, пыталась выяснить, как успокоить малыша.

Вдруг Марина, не переставая потрясывать ребёнка и коляску, скомандовала:

– Поднесите телефон Макару, к уху, он с мамой поговорит.

Юрик неожиданно обрадовавшись, что Марина не мать

этого крикуна, выполнил указание. И пока Макар разговаривал с мамой, а точнее пока мама «улю-лю-кала» успокаивающие звуки сыну, Юрик заговорил с Мариной:

– Вас как зовут? Меня Юрий. Он пожал руку Марины вместе с ручкой коляски.

– Марина, очень приятно, – она улыбнись.

Макар уже стихал и она уложила племянника в коляску. В этот момент Юрик понял две принципиальные вещи. Первое, он опаздывает, а он принципиально пунктуален. Второе, он принципиально не уйдёт, пока не получит телефон Марины. И третья, уже не принципиальная вещь возникла в голове Юрика: он никогда ещё не хотел так сильно заполучить телефон девушки. Марина его покорила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.